

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
26 August 2022
Russian
Original: English

Комитет по правам человека**Решение, принятое Комитетом в соответствии
с Факультативным протоколом относительно
сообщения № 2479/2014*** ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Х. Р. (представлен Правовой инициативой фондов «Открытое общество» и Мутабар Таджибаевой из организации «Клуб пламенных сердец»)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Узбекистан
<i>Дата сообщения:</i>	23 мая 2014 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 21 ноября 2014 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	16 марта 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	произвольное задержание и пытки со стороны милиции и службы безопасности; неизбирательное применение смертоносной силы против демонстрантов; вынужденное перемещение
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты; злоупотребление правом на представление сообщений
<i>Вопросы существа:</i>	пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение; произвольное задержание; право на жизнь; изгнание из своей страны; эффективное средство правовой защиты

* Принято Комитетом на его сто тридцать первой сессии (1–26 марта 2021 года).

** Вафа Ашраф Мохаррам Бассим, Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Махджуб эль-Хайба, Фуруя Сюити, Карлос Гомес Мартинес, Марсия В. Дж. Кран, Данкан Лаки Мухумуза, Фогини Пазардзис, Эрнан Кесада, Василька Санцин, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Со Чхангрок, Кобойя Кпача Чамджа, Элен Тигруджа, Имэру Тэмэрэт Йыгэзу и Гентян Зюбери.

*** К настоящему решению прилагается текст совместного (несогласного) мнения членов Комитета Арифа Балкана и Элен Тигруджа.

<i>Статьи Пакта:</i>	6, 7, рассматриваемые в совокупности с пунктом 2 статьи 2, статьей 9 и пунктами 1 и 4 статьи 12, а также пункт 3 статьи 2, рассматриваемый в совокупности со статьями 6, 7, 9 и 12
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	2, 3 и пункт 2 б) статьи 5

1. Автором сообщения является Х. Р., гражданин Узбекистана, 1973 года рождения. На момент подачи сообщения он проживал в качестве беженца в Нидерландах. Он утверждает, что является жертвой нарушения государством-участником статей 6, 7, рассматриваемых в совокупности с пунктом 2 статьи 2, статьей 9 и пунктами 1 и 4 статьи 12, а также пункта 3 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьями 6, 7, 9 и 12. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 28 декабря 1995 года. Автор представлен адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 Автор занимался предпринимательской деятельностью в Андижане, Узбекистан. После участия в демонстрации 13 мая 2005 года он бежал из страны. До этого в течение более года он периодически подвергался задержаниям, допросам, избиениям и угрозам со стороны Службы национальной безопасности, а также отдела уголовного розыска, пытавшихся принудить его к даче ложных показаний против 23 известных предпринимателей.

2.2 11 апреля 2003 года автор был вызван в военный комиссариат для прохождения освидетельствования с целью зачисления на военную службу в резерве. По прибытии в комиссариат он под принуждением был посажен в легковой автомобиль, в котором находились четверо человек; ему нанесли удары кулаками в область живота; затем его вынудили положить голову между передними сиденьями; кроме того, ему угрожали заставить «пожалеть, что он родился на свет». Автора доставили в здание Службы национальной безопасности, завели в комнату без мебели, где четверо человек подвергли его избиениям и ударам по лицу. Как только он упал на землю, они стали наносить удары ногами по всему областям тела кроме головы и лица. Ему сообщили, что Служба национальной безопасности подчиняется президенту и что власти решили «свернуть его благотворительную деятельность». Его заставили подписать чистый лист бумаги, затем разрешили пойти пообедать, предупредив его, что если он не вернется, то ему будет предъявлено обвинение по статьям 159 и 244 Уголовного кодекса за попытку свержения конституционного строя и религиозный экстремизм. По возвращении, его обвинили в религиозном экстремизме и обязали через день с 12 до 13 часов являться на допросы. Факт его задержания не был зарегистрирован. Его проинструктировали никому не рассказывать о нем; ему не предоставили ни протокола задержания, ни информации о его правах, включая право на адвоката. Когда на следующий день он явился в Службу национальной безопасности, ему показали документ, на котором была его подпись. В документе было указано, что он берет на себя обязательство продолжить встречи с сотрудниками Службы национальной безопасности и что, если он сообщит об этом кому-либо, то тем самым признает свою вину по статьям 159 и 244 Уголовного кодекса. Ему сообщили, что лица, осужденные в соответствии с этими положениями, никогда не возвращаются живыми из тюрьмы, и что, если он не явится по требованию Службы национальной безопасности, против него будет возбуждено уголовное дело.

2.3 В течение трех месяцев автора неоднократно вызывали в Службу национальной безопасности, а ее сотрудники периодически звонили ему домой или по месту работы либо лично являлись туда. В течение первых полутора месяцев его через день подвергали допросам. Позже его стали вызывать по два раза в неделю, а в некоторых случаях - один раз в две недели. Когда он являлся в здание Службы национальной безопасности, ему приходилось проползать под решеткой на заднем дворе, а затем его вели в комнату с зарешеченными окнами. В каждом случае он проводил в здании Службы национальной безопасности от двух до пяти часов. Нередко ему не задавали

никаких вопросов или задавали бессмысленные вопросы, например о том, какие сигареты он предпочитает. В пяти или шести случаях его обязывали поздно ночью являться в заброшенные места, но он не подчинился этому требованию. На следующий день его вызвали в Службу национальной безопасности. Ему заявляли, что его вызвали по распоряжению президента и что никто не сможет его защитить. На него оказывали давление, с тем чтобы он выполнял функции осведомителя среди богатых андижанских предпринимателей. Один из сотрудников Службы национальной безопасности предложил ему помощь в обмен на 5000 долл. США, но автор ответил на это, что у него нет таких денег. В августе 2003 года Служба национальной безопасности прекратила с ним контакты, но он чувствовал за собой слежку и жил в постоянном страхе.

2.4 По истечении декабря 2003 года автора пять раз вызывали на допрос в отдел уголовного розыска. Ему угрожали и словесно оскорбляли. В двух случаях его избивали, прижимали к стене, били по лицу, наносили удары кулаками в область живота и ногами по ребрам. Никаких регистрационных записей о времени его содержания под стражей сделано не было. Ему не сообщали о его праве на адвоката или о каком-либо другом праве. Ему говорили, что, если он умрет, то никто об этом не узнает.

2.5 7 мая 2004 года начальник отдела уголовного розыска явился в рабочий кабинет автора и потребовал проследовать за ним в микроавтобус, в котором находились другие сотрудниками отдела уголовного розыска и Службы национальной безопасности. В микроавтобусе один из сотрудников заявил автору, что ему придется «заплатить за отказ от сотрудничества». Автор был доставлен в районный отдел внутренних дел, где ему нанесли удары в область лица и потребовали написать заявление о том, что он не связан с экстремистскими или религиозными организациями. Через пять минут после того, как он был освобожден, к нему подошла женщина и попросила закурить. Затем его вновь остановил сотрудник милиции, который потребовал от него вернуться в отдел милиции. По возвращении в отдел милиции, он встретил ту же женщину, которая обвинила автора в том, что он насильно обнял и поцеловал ее. Сотрудники милиции зарегистрировали это заявление без допроса. Автор был задержан на основании статьи 183 Кодекса об административной ответственности за оскорбление женщины. В 19 ч 10 мин автора водворили в камеру размером 1 x 1,5 метра. Там его держали всю ночь, не разрешая выйти в туалет, без воды и еды и не позволяли ему позвонить адвокату или родственникам. Камера представляла собой помещение с бетонными стенами и каменной дверью со следами крови. В ней была скамейка, но у него не было возможности прилечь. Через четыре часа к нему в камеру поместили еще одного человека, который, по мнению автора, являлся агентом правоохранительных органов. 8 мая 2004 года в 10 часов утра автора отвели в подвал, где уже находилось шесть человек. Он опознал двух сотрудников отдела уголовного розыска и двух — Службы национальной безопасности. Они предложили ему дать показания на его деловых партнеров, пообещав ему предоставить квартиру, два магазина и автомобиль. Когда он отказался, они угрожали подбросить в его дом доказательства преступлений, арестовать его или изнасиловать дубинкой. Сотрудник Службы национальной безопасности нанес автору несколько ударов в область затылка, пытаясь заставить его подписать чистый лист бумаги. Затем его пристегнули наручниками к стулу со скрещенными руками, протащили по комнате за волосы и стали избивать его по всему телу, лицу, голове и шее сначала кулаками, а затем дубинками до тех пор, пока он не потерял сознание.

2.6 Сотрудники Службы национальной безопасности вызвали карету скорой помощи, и автора поместили в отделении скорой помощи центральной районной больницы Избаскана, где он находился с 8 по 17 мая 2004 года¹. Он пришел в сознание

¹ Согласно заявлению доктора К. от 16 июня 2004 года, 8 мая 2004 года ей позвонили из Службы национальной безопасности и попросили срочно приехать. Она обнаружила пациента в состоянии острой стрессовой реакции и доставила его в центральную больницу для оказания неотложной помощи. В постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела, принятом прокуратурой Избасканского района 31 мая 2004 года, содержится ссылка на письмо доктора У., в котором указано, что 8 мая находящийся в бессознательном состоянии автор в

через четверо с половиной суток после поступления в больницу. В дальнейшем он проходил лечение в отделении неврологии с 17 по 29 мая 2004 года и повторно с 5 по 12 июня 2004 года². Несмотря на неоднократные ходатайства семьи автора, медико-криминалистическая экспертиза была проведена только через 16 суток после применения к нему пыток. Экспертиза проводилась в присутствии сотрудников Службы национальной безопасности и заключалась в беглом визуальном осмотре. Автору не была предоставлена копия результатов экспертизы. Ходатайства автора и членов его семьи о проведении альтернативной экспертизы не были удовлетворены³. После их жалоб руководитель больницы настоял на том, чтобы автор покинул больницу. Теща автора слышала, как сотрудники Службы национальной безопасности заставляли главного врача выписать автора, несмотря его утверждения о неудовлетворительном состоянии его здоровья. Автор продолжал страдать от крайне мучительных головных болей и нуждался в постоянном лечении в неврологическом отделении. В течение следующего года он примерно шесть раз обращался в городскую клинику Андижана.

2.7 Автор и его семья подали жалобу в районную, областную и национальную прокуратуры на применение к нему пыток и его произвольное задержание милицией и Службой национальной безопасности 7 и 8 мая 2004 года, представив медицинские свидетельства и информацию о личности виновных. Прокуратура Избасканского района установила, что автор был задержан 7 мая сотрудниками милиции и Службы национальной безопасности. Однако в возбуждении уголовного дела ему было отказано на основании отсутствия указания на наличие синяков в заключении медицинского освидетельствования от 25 мая 2004 года. Автор и его семья также обратились с жалобой к Президенту Узбекистана и в средства массовой информации.

2.8 В июне 2004 года автору было предъявлено обвинение в административном правонарушении за оскорбление женщины 7 мая 2004 года. 9 июля 2004 года Избасканский районный суд по уголовным делам отклонил это обвинение в связи с отсутствием надлежащей регистрации жалобы предполагаемой жертвы и несоответствиями в ее показаниях. В августе 2004 года автор подал гражданский иск с требованием компенсации за ущерб, причиненный его жизни и здоровью в результате его незаконного задержания и избиения сотрудниками правоохранительных органов 7 и 8 мая 2004 года⁴. Адвокат не решился подать жалобу на Службу национальной безопасности. Автору сообщили, что прокурор принес протест на решение Избасканского районного суда по уголовным делам от 9 июля 2004 года. Автор и его адвокат так и не получили копию протеста прокурора и подозревают, что он был принесен после установленного срока и после подачи автором искового требования о выплате компенсации. 16 сентября 2004 года Андижанский областной суд отменил решение Избасканского районного суда по уголовным делам от 9 июня 2004 года о возвращении дела на доследование⁵. Постановлением суда от 7 октября 2004 года, о котором автор не был уведомлен,

---

состоянии «стресса» был доставлен в центральную больницу сотрудником Службы национальной безопасности. Автору был поставлен диагноз «истерический невроз».

На следующее утро он пришел в сознание и заявил, что его избили сотрудники милиции. См. также письмо от 27 мая 2004 года, в котором теща автора описывает, как она нашла его «полуживым» в отделении скорой помощи с красными отечными пятнами на спине и как он пришел в сознание только через трое суток.

² См. письмо адвоката автора от 27 мая 2004 года на имя главного врача центральной больницы Избасканского района с просьбой предоставить документы о лечении и диагнозе автора и письмо Министерства здравоохранения от 15 июля 2004 года, в котором указано, что автор проходил лечение в службе скорой помощи центральной больницы с 8 по 17 мая, в отделении неврологии с 17 по 29 мая и с 5 по 12 июня 2004 года. Автор также представляет непереведенную историю болезни.

³ См. письмо адвоката автора в прокуратуру Избасканского района от 21 мая 2004 года с просьбой о проведении судебно-медицинской экспертизы и допросе свидетелей.

⁴ Заявление автора и его тещи от 26 августа 2004 года в Избасканский межрайонный суд по гражданским делам.

⁵ В решении Андижанского областного суда от 16 сентября 2004 года упоминаются утверждения автора о жестоком обращении с ним со стороны милиции.

рассмотрение его гражданского иска о компенсации было приостановлено. 3 декабря 2004 года Избасканский районный суд отказался рассматривать исковое требование автора о выплате компенсации, сославшись на постановление от 7 октября 2004 года.

2.9 В ноябре 2004 года автор был допрошен в качестве свидетеля по делу 23 предпринимателей, которых судили за религиозный экстремизм. Автору и другим свидетелям сообщили, что приговоры будут более мягкими, если они подтвердят, что эти предприниматели принадлежат к религиозной организации «Акрамайя». В апреле 2005 года он был вызван в суд для дачи показаний. В суде он показал, что был незаконно задержан и подвергнут пыткам сотрудниками Службы национальной безопасности, но суд не отреагировал на его заявление. Когда он отказался давать показания против предпринимателей, суд приказал ему покинуть зал.

2.10 Во время суда над 23 предпринимателями обеспокоенность по поводу пыток и других нарушений стала причиной протестов. 12 мая 2005 года группа неизвестных освободила предпринимателей из городской тюрьмы. В ту ночь автор спрятался у друга, так как заметил, что к его соседу явились сотрудники Службы национальной безопасности. 13 мая 2005 года автор присоединился к толпе из 10 000–15 000 человек, в основном безоружных, включая большое количество женщин и детей; они вышли на демонстрацию на площади Бабура в Андижане с выражением своей обеспокоенности по поводу экономического положения, правительственных репрессий и судебных злоупотреблений. Правительственные войска блокировали выходы с площади и открыли беспорядочный огонь по толпе, убив от 500 до 700 человек, включая женщин и детей⁶. Солдаты открывали огонь по толпе из джипов и грузовиков, двигавшихся на большой скорости. Некоторые из убитых находились в непосредственной близости от автора. Силы безопасности не предприняли никаких попыток применить несмертельную силу, предупредить толпу, обратиться к ней с требованием разойтись или открыть огонь по нескольким вооруженным лицам, находившимся по краям толпы. Люди пытались бежать под шквальным огнем из бронетранспортеров и под обстрелом снайперов, в то время как правительственные войска вели неизбирательную стрельбу, в том числе по людям, державшим над головами белые головные платки. Автор шел рука об руку с двумя мужчинами, оба из которых были застрелены. Большинство выживших, включая автора, бежали в сторону границы с Кыргызстаном и за 10 часов прошли расстояние, равное примерно 50 км. На границе они столкнулись с узбекскими войсками на бронетранспортерах и военных грузовиках. Военнослужащие открыли огонь, убив около восьми человек, включая женщин и детей, и ранив других лиц. Утром 14 мая 2005 года пограничные власти Кыргызстана разрешили толпе войти в страну⁷. Автор жил в лагере для беженцев, а затем был эвакуирован Международной организацией по миграции в Румынию и перевезен в Нидерланды. Его жене и детям было разрешено присоединиться к нему спустя более двух лет после того, как он бежал из Андижана.

2.11 13 мая 2005 года Генеральная прокуратура начала уголовное расследование событий в Андижане. В ходе расследования не рассматривались нарушения, совершенные силами безопасности: усилия оказались сосредоточены на создании образа протестующих как преступников и террористов⁸. Государство-участник не отреагировало на призывы международных организаций создать международную

⁶ Автор не дает пояснений об источнике этой информации. По данным Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), 13 и 14 мая в Андижане или на пути из Андижана в Тешик-Таш, по всей вероятности, были убиты в общей сложности от 300 до 500 человек. См. URL: <https://www.osce.org/odihr/15653?download=true>, p. 8.

⁷ Упомянуты доклады неправительственных организаций. См., например, Human Rights Watch, *Bullets Were Falling Like Rain. The Andijan Massacre, May 13, 2005* (June 2005); и Amnesty International, “Uzbekistan: Lifting the siege on the truth about Andizhan” (September 2005). Дополнительную информацию см. в Докладе о поездке в Кыргызстан Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (E/CN.4/2006/119).

⁸ Доклад Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан «О результатах расследования террористических актов в Андижане» (12–13 мая 2005 года), документ, распространенный среди делегаций ОБСЕ.

комиссию по изучению обстоятельств произошедших событий. Оно закрыло город, уничтожило улики, подавило независимые каналы информирования, отказало в доступе в город правозащитникам и журналистам, преследовало, задерживало и пытало выживших, запугивало свидетелей и родственников тех, кто бежал⁹. Спустя девять лет после массовых убийств оставшиеся в Узбекистане родственники выживших по-прежнему живут в «атмосфере страха» и регулярно подвергаются допросам и преследованиям¹⁰.

2.12 Пережитая автором травма вызвала у него тяжелую депрессию, приступы тревоги и посттравматическое стрессовое расстройство¹¹.

2.13 Автор утверждает, что он исчерпал все доступные и эффективные внутренние средства правовой защиты. До момента бегства из Узбекистана он должным образом уведомлял судебные и прокурорские органы о своих задержаниях и пытках. Автор отмечает, что государство-участник упорно отказывается проводить какое-либо конструктивное расследование нарушений, совершенных силами безопасности во время массовых убийств в Андижане, несмотря на наличие существенных доказательств и неоднократные призывы международных организаций, а недавно оно объявило этот вопрос закрытым. Учитывая отказ государства-участника расследовать многочисленные серьезные нарушения, любые внутренние средства правовой защиты были бы бесполезны, и по этой причине необходимость в их исчерпании отсутствует. Автор также утверждает, что даже если бы эффективное средство правовой защиты существовало, оно было бы для него недоступно в силу того, что он был вынужден бежать из страны в страхе за свою жизнь и что правительство сделало небезопасным его возвращение, подвергая официальному преследованию всех, кто связан с выжившими в андижанских событиях.

2.14 Автор утверждает, что его сообщение не является злоупотреблением правом на представление сообщений, несмотря на то что предполагаемые нарушения имели место более чем за пять лет до подачи им жалобы в Комитет. Автор бежал из своего дома в страхе за свою жизнь, и он едва не расстался с жизнью во время массовых убийств. Позже он несколько месяцев находился в лагерях для беженцев в Кыргызстане¹². После переселения в Нидерланды в течение многих лет он был не в состоянии говорить о пережитом вследствие причиненной ему травмы, желая не привлекать внимания и из страха преследований членов его семьи, все еще находившихся в Узбекистане¹³. У него не было никакой поддержки, и он не знал ни о каких путях подачи жалоб. Он знал о существовании организации «Клуб пламенных сердец», но ее директор Мутабар Таджикибаева сама находилась в заключении в тюрьме в рамках подавления гражданского общества в Узбекистане после массовых убийств в Андижане. Автор считал, что другие правозащитные организации не решатся ходатайствовать о возбуждении дела против Службы национальной безопасности. Г-жа Таджикибаева переехала во Францию в марте 2009 года и получила статус беженца в декабре 2009 года. Организация «Клуб пламенных сердец» была зарегистрирована во Франции в феврале 2011 года. Автор связался с г-жой Таджикибаевой сразу же после ее переезда. 15 марта 2012 года г-жа Таджикибаева подала жалобу от имени автора в Комитет, однако 12 октября 2012 года в ее регистрации было отказано.

⁹ Среди прочего, упоминается Human Rights Watch, *Burying the Truth. Uzbekistan Rewrites the Story of the Andijan Massacre* (September 2005).

¹⁰ Среди прочего, упоминаются Human Rights Watch, “Uzbekistan: stop persecuting Andijan refugees’ families”, 4 May 2010, и “Saving its secrets: government repression in Andijan” (May 2008); и Bakhtiyor Mukhtarov, “Andijan refugees speak out” (November 2010).

¹¹ Medical and psychological test report, South Netherlands Psychotrauma Centre, 3 September 2013.

¹² Автор прибыл в Кыргызстан 14 мая 2005 года и был эвакуирован в Румынию 29 июля 2005 года. 16 ноября 2005 года он был переведен из Румынии в Нидерланды. По словам автора, пока он находился в Кыргызстане, правительство Узбекистана пыталось принудить его к возвращению, используя его жену и тещу для обращений к нему.

¹³ Жена и дети автора прибыли в Нидерланды 1 августа 2007 года. Автор представляет копию своего ходатайства о предоставлении убежища, датированное апрелем 2010 года, в котором указано, что его теща осталась в Узбекистане, поскольку ей не удалось получить выездную визу, и что она подвергалась угрозам со стороны сотрудников милиции.

Г-жа Таджибаева обратилась к Правовой инициативе фондов «Открытое общество» с просьбой помочь в подготовке правовых аргументов. Когда 16 августа 2012 года г-жа Таджибаева и юристы Правовой инициативы беседовали с автором, он обратился за помощью психолога. Потребовалось около года, чтобы организовать соответствующую психологическую экспертизу и постоянную психологическую поддержку, с тем чтобы его усилия добиться справедливости не привели к его повторной травматизации. Автор утверждает, что время, затраченное на подготовку настоящего сообщения, во многом объясняется действиями государства-участника, а точнее, травмой, которую он пережил. Он также заявляет, что его представители не хотели усугублять его травму в попытке ускорить подготовку сообщения, тем более в контексте преследования другого представителя автора в рамках настоящего сообщения, а также преследования тех, кто остался в Узбекистане.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что в период с апреля 2003 года по май 2004 года он в нарушение пункта 1 статьи 9 Пакта периодически незаконно и произвольно задерживался сотрудниками Службы национальной безопасности и отдела уголовного розыска. В каждом случае его удерживали более двух часов. Такое задержание является незаконными, поскольку их факт не был зарегистрирован, и в нарушение статьи 225 Уголовно-процессуального кодекса Узбекистана ему не выдался протокол задержания¹⁴. Ему не сообщали о его правах, включая право на адвоката, а сотрудники Службы национальной безопасности угрожали ему смертью. Несмотря на то, что формальным основанием для его задержания в ночь с 7 по 8 мая 2004 года явилось положение Кодекса об административной ответственности, 9 июня 2004 года Избасканский районный суд по уголовным делам постановил, что заявление предполагаемой жертвы не было зарегистрировано должным образом, и поэтому задержание является незаконным. В каждом случае задержание автора являлось произвольным, поскольку его реальная цель была совершенно не связана с объявленными ему причинами задержания. А факт предложения взятки автору доказывает, что он задерживался исключительно с целью запугивания и принуждения к даче показаний против своих деловых партнеров.

3.2 Автор утверждает, что в период содержания под стражей в нарушение статьи 7 Пакта его подвергали жестоким избиениям и психологическому насилию в форме неоднократных угроз. Такое жестокое обращение стало причиной его госпитализации и нанесло ему длительный физический и психологический вред. Он утверждает, что государство-участник не обеспечило надлежащих гарантий для предотвращения применения к нему пыток, тем самым нарушив статью 7 Пакта, рассматриваемую в совокупности с пунктом 2 его статьи 2. В частности, государство-участник не регистрировало случаи задержания автора, не уведомляло его семью, не предоставляло ему и членам его семьи незамедлительный доступ к независимому адвокату и не создало независимый орган для мониторинга мест содержания под стражей.

3.3 Автор утверждает, что государство-участник неоднократно игнорировало его жалобы на незаконное содержание под стражей и пытки, несмотря на то что он предоставил медицинские свидетельства применения пыток и информацию о личности виновных. Не расследовав эти нарушения и не предоставив автору доступ к эффективным средствам правовой защиты, включая компенсацию и надлежащее возмещение, государство-участник нарушило статьи 7 и 9, рассматриваемые в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта.

3.4 Автор утверждает, что, применив неизбирательную смертоносную силу против демонстрантов в Андижане, государство-участник подвергло его жизнь серьезному риску в нарушение пункта 1 статьи 6 и его права на личную неприкосновенность в соответствии с пунктом 1 статьи 9 Пакта. Он утверждает, что поведение сил

¹⁴ Автор ссылается на правило 7 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций обращения с заключенными и пункты 1 а) и б) принципа 12 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме.

безопасности, включая выбор оружия и отсутствие предупреждений с их стороны, показывает, что они на самом деле стремились максимально увеличить количество людей, подвергнутых неизбирательному убийству.

3.5 Автор утверждает, что его бегство вместе с более чем 500 другими демонстрантами в соседний Кыргызстан под неизбирательным обстрелом узбекских сил представляет собой насильственную высылку и нарушение его свободы передвижения и выбора места жительства. Он утверждает, что, создав условия, при которых он был вынужден покинуть свой дом, чтобы избежать своей гибели, государство-участник нарушило пункты 1 и 4 статьи 12 Пакта. Автор утверждает, что государство-участник продолжает преследовать выживших и что любой подобный ему беженец по возвращении в Узбекистан, может столкнуться с реальной угрозой произвольного задержания и пыток.

3.6 Автор утверждает, что государство-участник в нарушение статей 6, 9 и 12, рассматриваемых в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта, не провело эффективного расследования нарушений его права на жизнь, права на личную неприкосновенность и права на свободу передвижения, а также не предоставило ему эффективных средств правовой защиты. Официальное расследование не было независимым или беспристрастным, поскольку в его ходе не рассматривался вопрос об ответственности сил безопасности. Оно также не было тщательным¹⁵ и проходило в секретном режиме. Жертвы и их семьи не были вовлечены в процесс; напротив, их подвергали преследованиям. Правозащитники, журналисты и представители международных организаций подверглись беспрецедентной кампании репрессий в попытке принудить к замалчиванию любой альтернативной информации о массовом убийстве. Автор утверждает, что официальное расследование было направлено на то, чтобы скрыть убийство от 500 до 700 гражданских лиц силами безопасности, и что насильственное изгнание из Узбекистана более 500 жертв Андижана не было расследовано. Он утверждает, что эти нарушения могут быть квалифицированы как преступления против человечности.

3.7 Автор просит Комитет признать государство-участник ответственным за нарушения Пакта и:

a) настоятельно призвать государство-участник содействовать международной комиссии по изучению обстоятельств задержаний и пыток автора и других ведущих предпринимателей Андижана, а также массового убийства сотен безоружных гражданских лиц 13 мая 2005 года и предоставить ей полный доступ к информации¹⁶;

b) настоятельно призвать государство-участник выплатить автору справедливую компенсацию за пытки и незаконное задержание, а также за вред,

¹⁵ См. п. 2.11 выше. Автор утверждает, что следователи не изучили действия сил безопасности в связи с убийствами. Они не провели баллистическую экспертизу на установление соответствия пуль, присутствовавших в телах жертв оружию и боеприпасам, использованным правительственными силами. Они не исследовали траекторию огня, чтобы определить местонахождение стрелявших. Они не выясняли, были ли жертвы вооружены или иным образом представляли непосредственную угрозу для жизни. Не было проведено экспертизы огнестрельных ранений жертв для установления факта наличия у них ранений в области спины, их ранения во время нахождения в лежачем положении, в оборонительной позе или нахождении в каком-либо ином положении, которое бы свидетельствовало о том, что они не представляли непосредственной угрозы для жизни. Следствие не пыталось установить, какие государственные органы были вовлечены в расстрелы и существующий у них порядок подчиненности. Следствие не предприняло никаких усилий для установления обстоятельств случаев смерти и характера огнестрельных ранений жертв во время их бегства в Кыргызстан.

¹⁶ По мнению автора, комиссия должна иметь полномочия вызывать свидетелей, включая государственных должностных лиц, иметь доступ к документам органов внутренних дел, Службы национальной безопасности и суда, иметь беспрепятственный доступ в тюрьмы для проведения опросов, полномочия запрашивать помощь судебно-медицинских экспертов, включая международных экспертов, эксгумировать тела и инициировать уголовное преследование лиц, признанных исполнителями и организаторами таких нарушений.

причиненный ему во время массовых убийств и насильственного изгнания демонстрантов из Андижана, а также предоставить ему полную реабилитацию;

с) настоятельно призвать государство-участник гарантировать недопущение подобных нарушений в отношении задержанных путем обеспечения регистрации всех задержанных с момента задержания, установления надлежащего контроля за местами содержания под стражей, создания независимого и надежного механизма подачи жалоб на применение пыток, обеспечения проведения независимого медицинского освидетельствования по соответствующему ходатайству, и создания независимого механизма, уполномоченного расследовать утверждения о пытках в полном соответствии с международными нормами и внутренним законодательством;

d) настоятельно призвать государство-участник гарантировать недопущение незаконного использования смертоносной силы согласно Основным принципам применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка;

e) настоятельно призвать государство-участник обеспечить, чтобы произвольное или неправомерное применение силы и огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов каралось как уголовное преступление по его законодательству, и чтобы такие исключительные обстоятельства, как внутренняя политическая нестабильность или другие чрезвычайные ситуации, не могли служить оправданием отхода от этих основных принципов.

Замечания государства-участника относительно существа сообщения

4. В своих представлениях от 2 апреля и 7 сентября 2015 года и 4 февраля 2016 года¹⁷ государство-участник заявило, что автор с 2005 года состоял на учете в Избасканском районном отделе внутренних дел как член экстремистской религиозной организации «Акримийлар». 12 и 13 мая 2005 года он участвовал в массовых беспорядках, после чего вместе с женой и детьми через Кыргызстан незаконно бежал в Нидерланды. По информации отдела внутренних дел Андижанского района, данных о преследовании, задержании, уголовном преследовании, расследовании или оперативном розыске в отношении автора не имеется. Суды государства-участника не рассматривали административные или уголовные дела в его отношении. По данным Министерства внутренних дел, два сотрудника милиции, имена которых указаны в сообщении, никогда не проходили службу в отделе внутренних дел Андижанского района.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника в отношении существа сообщения

5.1 В своих комментариях от 22 июня 2015 года автор отметил, что односторонние замечания государства-участника не касаются представленных им подробных сообщений о предполагаемых нарушениях Пакта, которые подкреплены обширными доказательствами, многочисленными свидетельствами очевидцев, журналистскими материалами и докладами неправительственных организаций.

5.2 По поводу утверждения государства-участника о том, что двое из указанных автором сотрудников никогда не служили в отделе внутренних дел Андижанского района автор обращает внимание Комитета на решение Избасканского районного суда от 3 декабря 2004 года, в котором говорится о показаниях этих двух сотрудников, и на решение Избасканского районного суда по уголовным делам от 9 июня 2004 года, в котором говорится о допросе одного из сотрудников.

5.3 Автор утверждает, что неспособность государства-участника обнаружить доказательства его задержания позволяет предположить, что факты его задержания и допросов не были должным образом зафиксированы.

¹⁷ Государство-участник представило три кратких и практически одинаковых текста замечаний.

5.4 Автор отмечает, что государство-участник не оспаривает его описание масштабных нарушений, совершенных во время массовых убийств в Андижане, и не дает никаких указаний на то, что оно провело расследование массовых убийств демонстрантов и насильственной высылки выживших в них лиц в Кыргызстан.

5.5 В своих замечаниях от 1 декабря 2015 года автор отметил, что государство-участник по-прежнему не предоставило никаких сведений о том, что оно провело расследование массового убийства. Заявив, что у него нет информации о его аресте, преследовании и притеснении, государство-участник фактически подтвердило, что оно не проводило никакого расследования в отношении задержания и злоупотреблений, которым автор подвергся в годы, предшествовавшие массовому убийству.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет обязан в соответствии с правилом 97 своих правил процедуры установить, является ли сообщение приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом.

6.2 Согласно требованиям пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что его сообщение не является злоупотреблением правом на представление сообщений, несмотря на то что оно было представлено более чем через пять лет после предполагаемых нарушений. Комитет принимает к сведению доводы автора, согласно которым представление его сообщения было отложено вследствие тяжелой психологической травмы, вызванной предполагаемыми нарушениями, преследованием его другого представителя и опасениями за своих родственников, которые остались в Узбекистане.

6.4 В этой связи Комитет отмечает, что для представления сообщений в соответствии с Факультативным протоколом не установлено никаких временных ограничений и что одна лишь задержка с представлением сообщений сама по себе не свидетельствует о злоупотреблении правом на представление сообщений¹⁸. Однако в определенных обстоятельствах Комитет вправе рассчитывать на получение разумного объяснения причин задержки¹⁹. Кроме того, согласно правилу 99 с) правил процедуры Комитета, представление сообщения через пять лет после исчерпания внутренних средств правовой защиты его автором или, в зависимости от обстоятельств, через три года после завершения другой процедуры международного разбирательства или урегулирования может представлять собой злоупотребление этим правом, если только задержка не является оправданной с учетом всех обстоятельств сообщения²⁰.

6.5 В данном случае Комитет отмечает, что автор не приводит в своих представлениях достаточной информации, позволяющей предположить, что он должным образом своевременно приложил усилия и проявил инициативу, с тем чтобы обратиться за защитой своих прав к национальным властям или к Комитету. Он направил свое первое сообщение в Комитет с заметной задержкой, а именно через восемь лет с момента его предполагаемого произвольного задержания и пыток и семь лет после событий в Андижане. Комитет отмечает, что автор переселился в Нидерланды в ноябре 2005 года, что его жена и дети присоединились к нему в августе 2007 года и что, согласно материалам дела, его теща в апреле 2010 года все еще проживала в Узбекистане. Вместе с тем Комитет отмечает, что автор не дает никаких пояснений по поводу опасений преследования его самого или членов его семьи в последующие годы. Комитет считает, что автору, который переселился в Нидерланды

¹⁸ *Полацкова и Полацек против Чешской Республики* (CCPR/C/90/D/1445/2006), п. 6.3; и *Д. Ш. против Российской Федерации* (CCPR/C/120/D/2705/2015), п. 6.4.

¹⁹ *Гобин против Маврикия* (CCPR/C/72/D/787/1997), п. 6.3.

²⁰ Правило применяется к сообщениям, полученным Комитетом после 1 января 2012 года.

и получил там статус беженца, больше не угрожало преследование и он находился в достаточно безопасном положении, чтобы самостоятельно или с помощью законного представителя подать жалобу в судебные органы государства-участника или в Комитет.

6.6 Исходя из выше сказанного, Комитет считает, что автор не представил убедительных пояснений по поводу задержки с представлением настоящего сообщения. В отсутствие какой-либо информации или соответствующего пояснения в представленных материалах Комитет полагает, что направление сообщения по истечении столь длительного периода времени представляет собой злоупотребление правом на представление сообщений. Соответственно, настоящее сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола и пунктом с) правила 99 правил процедуры Комитета.

6.7 В свете этого вывода Комитет принимает решение не рассматривать какие-либо другие основания приемлемости.

7. Соответственно, Комитет постановляет:

а) признать сообщение неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола;

б) препроводить настоящее решение государству-участнику и автору сообщения.

Приложение

Совместное (несогласное) мнение членов Комитета Элен Тигруджа и Арифа Балкана

1. Мы не согласны с решением Комитета признать сообщение неприемлемым с учетом времени, истекшего между событиями (период между 2003 и 2005 годами) и датой подачи сообщения в Комитет (май 2014 года). По мнению большинства, нарушение критерия истекшего времени представляет собой злоупотребление правом в соответствии с пунктом с) правила 99 правил процедуры Комитета правил процедуры Комитета. Пункт с) правила 99 гласит следующее:

«С целью достижения решения о приемлемости сообщения Комитет или рабочая группа, учреждаемая согласно пункту 1 правила 107 настоящих правил, удостоверяется в том, что... с) Злоупотребление правом на представление сообщений, в принципе, не является основанием для принятия решения о неприемлемости *ratione temporis* по соображениям задержки с представлением. Вместе с тем сообщение может являться злоупотреблением правом на представление сообщений, когда оно представлено спустя пять лет после исчерпания внутренних средств правовой защиты автором сообщения или в соответствующих случаях спустя три года после завершения другой процедуры международного разбирательства или урегулирования, если только не существует причин, оправдывающих задержку с учетом всех обстоятельств сообщения».

2. В самом деле данное сообщение не было представлено в пятилетний срок, предусмотренный правилами процедуры Комитета. Хотя государство-участник не выдвинуло никаких возражений на этом основании, на практике Комитет имеет прерогативу проанализировать *motu proprio*, соответствует ли сообщение критерию *ratione temporis* и если нет, то оправдывает ли приведенное автором пояснение задержку с его представлением принятию сообщения к рассмотрению. Однако наше несогласие основано на том, каким образом большинство членов Комитета рассчитали истекшее время и оценили пояснение, представленное автором в этой связи.

3. Для оценки «задержки с представлением» Комитет опирался на датировку фактов, лежащих в основе жалобы (лишение свободы, аресты, избиения и пытки имели место в период с 2003 по 2005 год), и дату «первоначального представления» в Комитет (23 мая 2014 года), в то время как пункт с) правила 99 относится не ко времени событий, а ко времени исчерпания внутренних средств правовой защиты (или завершения международного разбирательства, если это применимо), т. е. к тому моменту, с которого начинается отсчет времени. В этой связи автор подробно и убедительно пояснил причины, по которым его сообщение «не является злоупотреблением правом» (п. 2.14 выше); речь идет об отсутствии официальных внутренних средств правовой защиты, которые бы можно было исчерпать в связи с его жалобами, и последовательности событий, развернувшихся после случившегося. Он начал с того, что подчеркнул контекст массовых убийств в Андижане (в 2005 году), из которого он бежал «в страхе за свою жизнь». Проведя несколько месяцев в Кыргызстане, он поселился в Нидерландах, но не хотел делиться информацией о пережитом, опасаясь, что члены его семьи, оставшиеся в Узбекистане, подвергнутся преследованиям. Затем, в 2009 году, он получил статус беженца и после нескольких попыток заручился поддержкой Правовой инициативы фондов «Открытое общество» для составления своего сообщения. Это означает, что с момента бегства из Узбекистана и до подачи заявления в Комитет автор не бездействовал. Напротив, он сделал все возможное, чтобы заручиться помощью для представления своих жалоб на международном уровне, заявив, что «время, затраченное на подготовку настоящего сообщения, во многом объясняется действиями государства-участника, а точнее травмой, которую он пережил». Он также заявляет, что его не хотели усугублять его травму в попытке ускорить подготовку сообщения, тем более в контексте

преследования другого представителя автора в рамках настоящего сообщения, а также преследования тех, кто остался в Узбекистане (п. 2.14).

4. Государство-участник не ответило на эту серьезную жалобу и не оспорило приемлемость сообщения. В своих замечаниях по существу сообщения оно лишь подчеркнуло, что автор был членом «[экстремистской] религиозной организации» и в мае 2005 года «участвовал в массовых беспорядках, после чего вместе с женой и детьми через Кыргызстан незаконно бежал в Нидерланды» (п. 4). Однако утверждения автора подкрепляются недавними заключительными замечаниями, принятыми Комитетом (почти на то же время, когда было принято это решение о неприемлемости), в которых Комитет:

«вновь выражает обеспокоенность¹ по поводу непроведения полного, независимого и эффективного расследования случаев массовых убийств и нанесения ранений военнослужащими и сотрудниками спецслужб в ходе событий в Андижане в мае 2005 года и с сожалением отмечает заявление государства-участника о том, что эти события не требуют международного расследования, и что оно считает этот вопрос закрытым. Он также сожалеет по поводу отсутствия четкой информации о соответствии закона «Об оружии» 2019 года положениям Пакта и Основным принципам применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка (ст. 2 и 6)»².

5. Хотя, с одной стороны, Комитет в своих заключительных замечаниях 2020 года выразил обеспокоенность по поводу распространенности безнаказанности и нежелания государства-участника обеспечить доступ к истине и правосудию для жертв андижанских событий, с другой стороны, он указал, что автор «находился в достаточно безопасном положении, чтобы... подать жалобу в судебные органы государства-участника» (п. 6.5 выше). Позиция большинства явно противоречит его заявлениям о конкретной ситуации в государстве-участнике и совершенно не учитывает тот факт, что по крайней мере до 2010 года у автора были члены семьи, проживавшие в Узбекистане, и поэтому у него были веские причины опасаться за их безопасность. Таким образом, причины, по которым автору потребовалось время для представления настоящего сообщения, полностью оправданы как общей ситуацией в государстве-участнике (что было признано Комитетом в другом контексте), так и конкретной ситуацией, с которой автор столкнулся за этот период времени.

6. Исходя из конкретного контекста безнаказанности вокруг массовых убийств в Андижане, подчеркнутого Комитетом в заключительных замечаниях 2020 года, и исключительной ситуации автора, который был вынужден бежать из своей страны, мы считаем, что Комитет должен был признать сообщение приемлемым. Если говорить по существу сообщения, то указанные факты свидетельствуют о нарушении статей 6, 7, 9 и 12 Пакта, рассматриваемых как по отдельности, так и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 ввиду отсутствия средств правовой защиты и непроведения расследования.

¹ CCPR/C/UZB/CO/4, п. 10.

² CCPR/C/UZB/CO/5, п. 16.